

Наложница Бай Жун, собрав последние силы, резко выхватила меч из ножен охранника, стоявшего поблизости, и бросилась на Чжао Фэйянь и Ван Мана: Я не позволю вам добиться своего! Даже если я умру, вы отправитесь следом! Сверкнуло лезвие, и на мгновение пейзаж перед глазами завертелся, словно в калейдоскопе. Чжао Фэйянь почувствовала, как мир уходит из-под ног.

Ван Ман одним движением подхватил её и укрыл за своей спиной.

— Дзынь! — меч, который сжимала наложница Бай Жун, был выбит Ван Маном, а последовавший за этим удар ладонью заставил её изрыгнуть кровь.

— Дерзкая наложница Бай Жун! Как ты смеешь совершать покушение на императрицу прямо во дворце Чанлэ! — Её одежды стремительно пропитывались кровью, расцветая, словно ядовитый цветок.

Наложница Бай Жун, тяжело дыша, подняла голову. Кто этот мужчина перед ней? Ван Ман? Почему тот, кто в её памяти казался слабым и изнеженным, оказался столь жесток?

— Я убью вас! Я убью вас! — наложница Бай Жун поднялась, пошатываясь, подобрала меч и принялась яростно размахивать им. Окружающие, решив, что она окончательно обезумела, в страхе отпрянули подальше.

В этот момент со стороны заднего сада поспешно появился Лю Ао. Чжао Фэйянь застыла в оцепенении, а Ван Ман, обнимая её, уклонялся от выпадов. Наложница Бай Жун внезапно рванулась вперед, и меч, к ужасу присутствующих, направился прямо на вошедшего Лю Ао.

— Охрана! — крикнул кто-то из стражников. Они бросились вперед и повалили женщину, с ног до головы залитую кровью, которая до последнего сжимала клинок.

С её волос соскользнула заколка, пряди спутались и прилипли к лицу, испачканному кровью. Наложница Бай Жун в отчаянии поползла к ногам Лю Ао и, вцепившись в подол его халата, простонала: Император, это они... это они подстроили мне ловушку...

Лю Ао, ошеломленный внезапным нападением, не стал помогать ей подняться и спросил у окружающих: Что здесь вообще происходит?

— Докладываю императору, императрица пришла со мной навестить наложницу Бай Жун. Императрица принесла укрепляющие отвары, но наложница Бай Жун внезапно обезумела и попыталась совершить покушение!

Увидев, что отвечает Ван Ман, Лю Ао испытал неловкость.

Несколько дней назад наложница Си потеряла ребенка, и он, пребывая в глубокой печали,

никого не призывал к себе, в одиночестве коротая время за вином. Ван Ман пришел к нему глубокой ночью, и в их долгом разговоре, в туманном дурмане, Лю Ао неожиданно разглядел в своем двоюродном брате необычайную, манящую привлекательность.

Вино может затуманить разум. Все, что произошло в ту ночь, теперь казалось ему абсурдом.

Проснувшись, он увидел, что Ван Ман уже встал и приводил себя в порядок. Лю Ао, охваченный злостью и досадой, отвесил ему пощечину и выгнал прочь. Теперь, снова встретив Ван Мана, он поразился тому, как спокойно и уверенно тот себя вел, словно ничего и не было.

Собравшись с мыслями, Лю Ао увидел бледную Чжао Фэйянь и поспешно спросил: Фэйянь, что с тобой? Что здесь только что произошло?

Губы Чжао Фэйянь дрожали, она испуганно произнесла: Император, наложница Бай Жун сказала, что я её отравила. Но я этого не делала! Клянусь, я не делала этого!

Ван Ман почтительно сложил руки: Император, почему бы не вызвать лекарей, чтобы проверить, отравлена ли наложница Бай Жун на самом деле?

Лю Ао счел предложение разумным и немедленно вызвал медиков.

Когда лекари прибыли в сад, наложница Бай Жун была уже при смерти.

Один из них, едва коснувшись её пульса, покачал головой: Император, примите мои соболезнования. Меридианы наложницы полностью разрушены, мы бессильны.

Вспомнив о ребенке, которого она носила, Лю Ао спросил: Неужели совсем ничего нельзя сделать?

Лекари лишь молча качали головами.

Ван Ман внезапно опустился на колени: Прошу прощения, император! Я был вынужден ранить наложницу Бай Жун, чтобы защитить императрицу.

Лю Ао нахмурился и обратился к лекарям: Проверьте, была ли она отравлена.

Те кивнули, взяли серебряные иглы и погрузили их в кровавое пятно на одежде наложницы. Иглы не изменили цвета. Наложница Бай Жун продолжала харкать кровью, но её цвет был ярко-красным, что не указывало на действие яда.

— Докладываю императору, судя по всему, наложница Бай Жун не была отравлена.

— Как же тогда это произошло? Наложница, скажи мне правду. Ты решила устроить этот фарс, чтобы очернить императрицу? — Эти слова, короткие и резкие, словно стрелы, пронзили её сердце.

Наложница Бай Жун едва могла говорить, её губы были испачканы алой кровью. Она вдруг громко рассмеялась — смеялась до слез, пока не задрожали внутренности. — Лю Ао... ты слепой правитель! Пусть я всего лишь наложница и моя смерть ничего не значит, но если сегодня ты не убьешь этих двоих негодяев, ты... ты обязательно пожалеешь!

— Ты! — Лю Ао понял первую фразу и пришел в ярость. Но следующие слова привели его в полное замешательство. Он хотел было допросить её, но наложница Бай Жун тяжело повалилась на землю и больше не шевелилась.

Её глаза остались открытыми, и в них по-прежнему читалась ненависть. Хотя он и не был особо привязан к ней, ребенок в её утробе мог в будущем помочь ей стать вдовствующей императрицей.

Почему женщины в этом дворце так одержимы интригами? Две наложницы были беременны, один ребенок скончался вскоре после рождения, другой так и не появился на свет.

Лю Ао простоял в оцепенении несколько мгновений и вздохнул: Сегодня день рождения вдовствующей императрицы, не стоит её пугать. Стража! Унесите тело наложницы Бай Жун и похороните её со всеми почестями. — В его голове все еще оставались вопросы, на которые он не нашел ответов.

В скверном настроении он приказал слугам: Об этом пока не докладывать вдовствующей императрице. Императрица устала, проводите её во дворец. — Когда его так поспешно вызвали от вдовствующей императрицы, Ван Чжэнцзюнь наверняка уже заподозрила неладное.

Лю Ао торопился уйти и, закончив говорить, зашагал прочь. Чжао Фэйянь все еще пребывала в ужасе. Смерть наложницы Бай Жун стояла у неё перед глазами.

Еще минуту назад та была фавориткой, носившей наследника, а теперь превратилась в бездыханный труп, который волокли прочь.

Она не травила её! Она всего лишь приготовила для неё отвар из кровавого лотоса, чтобы укрепить здоровье. Стражники подняли тело, и внезапно из глаз наложницы Бай Жун потекла кровь, оставляя страшные кровавые следы. Окружающие вздрогнули: в народе говорят, если мертвец плачет кровавыми слезами, значит, он умер от несправедливости.

— А! — Чжао Фэйянь вскрикнула. — Унесите её скорее!

Ван Ман тут же махнул рукой, приказывая стражникам уйти, и успокоил её: Императрица, не

думайте об этом. Вашей вины здесь нет. Даже лекари подтвердили, что она умерла не от яда.

Услышав этот мягкий голос, Чжао Фэйянь судорожно вцепилась в руки Ван Мана и сквозь всхлипы спросила: Ты веришь мне? Я правда её не травила!

Ван Ман, конечно, знал, что Чжао Фэйянь не травила её.

Красная корона журавля из Сяньби — яд без цвета и запаха, который после приема не оставляет никаких следов, — стоил ему сотни золотых. Он действовал мгновенно, не вызывая подозрений, и человек умирал так, словно его сердце просто остановилось.

Безупречно. Удар в яблочко. В воздухе витал тонкий аромат женских духов. Улыбка Ван Мана на мгновение промелькнула на губах. Он подумал: О, Чжао Фэйянь, ты самая глупая и в то же время самая удачливая женщина в мире! Глупая потому, что доверила мне принести отвар, даже не подумав о шансе для меня. Удачливая, потому что решила довериться мне, а неведение — это дар. Живи спокойно своей жизнью императрицы.

— Не глупи! Я был свидетелем всего происходящего, как я могу сомневаться в твоей невинности? — Ван Ман похлопал Чжао Фэйянь по спине и позвал слуг: Подготовьте паланкин, проводите императрицу во дворец.

Чувство благодарности наполнило сердце Чжао Фэйянь. Она поблагодарила Ван Мана и, опираясь на слуг, покинула задний сад. К сожалению, сейчас она видела лишь его заботу и не могла догадаться, какая злобная маска скрывается за этим внешним благородством.

Ван Ман, от которого все еще исходил аромат императрицы, усмехнулся: Наивная и добрая, с непревзойденным талантом танцовщицы — неудивительно, что женщина, которую больше всех любит Лю Ао, так отличается от других.

Благодаря Ван Ману наложница Бай Жун трагически погибла во дворце Чанлэ. Искры может быть мало, но она способна разжечь пожар; сорняки нужно вырывать с корнем, нельзя позволить роду Лю оставить потомство.

Чтобы достичь этой цели, Ван Ман должен был устранить всех потомков дома Лю по очереди. В этот момент Лю Синь и Дун Сянь еще не знали обо всем, что произошло во дворце Чанлэ.

В окружении вечернего ветра, под копытами коней проносилась гора Хуашань. Среди густых лесов, покрытых изумрудной листвой, царила жизнь. Небо на закате окрасилось в цвет крови, солнце напоминало огромный медный диск, и они проносились мимо горных троп.

Лю Синь был в приподнятом настроении, а Дун Сянь молча следовал за ним. Впереди лошадь

внезапно заржала, и Лю Синь резко натянул поводья, останавливаясь.

Дун Сянь остановился следом, спешился и спросил: Приехали? Лю Синь вместо ответа спросил: Знаешь, где мы на горе Хуашань? Он осмотрелся — они были в самом сердце гор, где эхом отдавался звон ручьев. Вероятно, они достигли центрального пика.

На горе Хуашань пять пиков: восточный — Чаоян, южный — Лоянь, западный — Ляньхуа, северный — Уюнь, а центральный — Юйнюй.

— Неужели мы добрались до пика Юйнюй? — Лю Синь кивнул, спешился и привязал лошадей: Дальше на лошади не проехать, иди за мной. Словно стремясь успеть до заката, он потянул Дун Сяня за собой. Дальше тянулись лишь узкие горные тропы, местами приходилось идти, согнувшись в три погибели.

Впереди показался густой бамбуковый лес, тихий и изящный, словно обитель небожителей. Идя по лесу, Лю Синь вдруг обернулся: Будь осторожен, бамбук здесь может поцарапать. Дун Сянь ответил коротким кивком. Его облик, чистый и благородный, гармонировал с этой зеленью.

Белые одежды, мелькающие среди бамбука, были необычайно красивы. За лесом скрывался небольшой утес.

Лю Синь указал вперед: Там, впереди, то чудо, которое я хотел тебе показать.

Дун Сянь подошел к краю утеса и посмотрел вниз: там сиял кристально чистый водоем, в котором отражался закат, словно само солнце упало в воду.

Вид был красив, но вряд ли его можно было назвать чудом. Он обернулся: Всего лишь закат в пруду, такое можно увидеть в любом чистом озере. Почему это называют чудом? Как только он произнес это, послышались всплески воды.

Дун Сянь снова посмотрел вниз и увидел, как из пещеры у пруда выплыл белоснежный лебедь — величественный и грациозный.

— Лебедь? Здесь водятся лебеди? — Лицо Дун Сяня просияло. Ходили слухи, что эти священные птицы, олицетворяющие чистоту, действительно обитают в этом уединенном райском уголке.

Лю Синь подошел к нему и сказал: Днем многие лебеди живут здесь, пьют воду и ищут пищу. А к вечеру возвращаются в свои гнезда. Пока он говорил, шум плещущейся воды усиливался.

В одно мгновение сотни лебедей вылетели из пещеры, расправив крылья. С высоты казалось, что они замерли на изумрудной глади, словно драгоценное украшение. Дун Сянь был поражен,

но не успел произнести ни слова, как со стороны пруда раздался громкий плеск.

Мгновение — и солнце окончательно скрылось, наступила ночь, и сотни лебедей одновременно взмыли в небо, заслонив его белыми крыльями. В темноте летящая стая казалась пологом из чистого шелка. Ветер в ущелье усилился, и, вглядевшись, можно было заметить капли воды, разлетающиеся от взмахов их крыльев. Лебеди улетели.

Пруд снова стал спокойным. Звезды отражались в воде, словно россыпь жемчужин на черном бархате.

— Неужели на свете есть такая красота? — невольно восхитился Дун Сянь.

На его восторг Лю Синь ответил улыбкой: В детстве я часто приходил в эти горы. Однажды случайно нашел это место вместе с другом.

— Вместе с Чжи Вэй? — Лю Синь кивнул. Дун Сянь вздохнул: Значит, это тайное место вашего детства. Лю Синь отвернулся, стоя спиной к обрыву: Мы знакомы уже некоторое время. У меня нет для тебя достойного подарка, поэтому я решил показать тебе это место. Дун Сянь усмехнулся: Моя задача — учить вас, Ваше Высочество, не стоит благодарности.

Лю Синь, не оборачиваясь, проговорил низким голосом: Но я хочу, чтобы учитель научил меня еще одной вещи...

Дун Сянь почувствовал замешательство: Чему же? — Небо уже совсем потемнело, отражение звезд в пруду мерцало, озаряя окрестности.

Лю Синь стоял всего в шаге от него, стройный и статный. Не успел Дун Сянь среагировать, как мягкий хлыст, который он всегда носил на поясе, оказался в руках Лю Синя.

Это движение было молниеносным, ловким и точным, как у ястреба. Волосы Дун Сяня разметались, коснувшись лица Лю Синя.

Лю Синь намотал несколько прядей на пальцы и медленно произнес: Я хочу, чтобы ты научил меня боевым искусствам. Горный ветер пронесся между ними.

Дун Сянь на мгновение замер, затем горько улыбнулся: Простите, Ваше Высочество, но я утратил свои способности, эта просьба выше моих сил.

Лю Синь не ответил, лишь повертел в руках хлыст. Он прошелся взад-вперед, с силой натянув его: Сделан из вековой глицинии, тонкий и прочный, скрыт на поясе, опасен и остр. Им можно перерезать лезвие меча, а с расстояния нескольких футов — лишить врага головы! Действительно, прекрасное оружие.

— Ваше Высочество, это звучит пугающе. Для меня это просто пояс для халата.

Лю Синь снова не ответил. Он подошел к бамбуковой роще и внезапно подпрыгнул, взмахнув хлыстом. Тот ожил, словно змея, и в мгновение ока бамбуковые стебли повалились на землю — срез был ровным, будто их срубили мечом.

Лю Синь приземлился, встал ровно и с силой ударил хлыстом по скале у обрыва.

Скала застонала и раскололась. — Мое мастерство все же уступает твоему. Неужели такой хлыст — лишь пояс для одежды?

На этот раз настала очередь Дун Сяня молчать.

После нескольких взмахов Лю Синя Дун Сянь понял, что тот обладает острым умом и невероятным талантом. Если бы ему не нужно было хранить свою тайну, он бы с радостью обучил его, и со временем Лю Синь превзошел бы его.

Скрывать тайну, которую вот-вот раскроют, невероятно утомительно.

Но Дун Сянь был уверен: во всем мире никто, кроме Лю Синя, не знает, что он по-прежнему владеет боевыми искусствами.

Это был его последний козырь, и победа далась ему нелегко. Ван Ман, обладающий незаурядным умом, тоже не мог предположить такого развития событий. Пока есть хотя бы малейший шанс, он не выдаст правду.

— Вы принадлежите к императорскому роду, и ваше оружие — мечи. Даже в моих руках этот хлыст не был бы так послушен, как в ваших сейчас, не говоря уже о нынешних временах.

Лю Синь усмехнулся: Неужели Ван Ман отправил бы ко мне простого беспомощного книжника?

Дун Сянь ничего не ответил.

В отличие от того, что думал Лю Синь, именно это и было истинным намерением Ван Мана.

Если бы он был опасным воином, как бы он смог приблизиться к Лю Синю? Его нынешнее состояние — не более чем насмешка судьбы.

— Как мне убедить тебя? — без лишних слов Дун Сянь стоял на краю обрыва. Даже будучи разоблаченным, он не собирался признаваться.

Его холодность привела Лю Синя в ярость.

— Хлесь!

От тяжелого удара рукав на левой руке Дун Сяня лопнул. Проведя рукой, он увидел кровь.

Лю Синь стоял напротив с помрачневшим лицом: Не заставляй меня! Используй все свои навыки!

— Я же сказал, я не... — не успел он договорить, как последовал новый удар, оставивший глубокую рану на его пальцах.

Дун Сянь перестал оправдываться. Он закрыл глаза, выражая готовность принять любое наказание. Лю Синь слышал, как тот сжал кулаки, хрустнув костяшками, но, несмотря на это, Дун Сянь отказывался отвечать тем же.

— Учитель должен быть честен. Если ты не признаешься, не вини меня за грубость.

Одна ошибка — и вся партия проиграна. Дун Сянь стиснул зубы: Я не владею боевыми искусствами.

— Ты лжешь! Ты ими владеешь!

— Нет!

В тишине снова прозвучал свист летящего хлыста. Дун Сянь попытался уклониться, но удар пришелся точно в затылок, оставив еще одну багровую полосу.

Лю Синь был в ярости, Дун Сянь чувствовал, как от него исходит жар негодования.

Он впервые осознал, насколько страшно это оружие. Если не бить в жизненно важные точки, хлыст не оставляет смертельных ран, как меч, но каждая такая рана причиняет невыносимую боль.

Дун Сянь внутренне вздохнул: неудивительно, что порка хлыстом считается одной из самых страшных пыток.

Лю Синь нанес еще несколько ударов, но Дун Сянь оставался непоколебимым, как скала, не проронив ни звука.

В груди Лю Синя словно все сжалось. Никогда прежде он не встречал столь упрямого

человека. В гневе он дернул хлыст на себя, отошел в сторону и сел, пребывая в дурном настроении.

Вечер становился все холоднее. Глядя на Дун Сяня, стоявшего у обрыва, окутанного чистой и благородной аурой, Лю Синь вдруг почувствовал укол вины. Он ведь просто хотел услышать правду, почему это так сложно?

Посреди этих мыслей Лю Синь внезапно услышал шум осыпающихся камней. Его сердце екнуло, он вскочил и закричал: Осторожно!

Камни под ногами Дун Сяня поползли вниз. Тот заметил это заранее, но не сдвинулся с места. Лю Синь воочию увидел, как он теряет равновесие и падает.

В самый последний момент хлыст обвился вокруг талии Дун Сяня. Сквозь разметавшиеся волосы Дун Сянь почувствовал знакомый хлыст и, подняв голову, увидел, что Лю Синь бросился к нему на помощь, обхватив его телом.

Лю Синь одной рукой держал хлыст, другой крепко ухватился за плечо Дун Сяня: Дурак! Зачем ты продолжаешь скрывать это? Ты ведь владеешь мастерством легких ног! Живее, я боюсь, что почва здесь не выдержит!

— Я же сказал, я не владею боевыми искусствами. Отпусти меня, или мы упадем вместе.

Дун Сянь шел на риск, пытаясь доказать, что у него не осталось никаких способностей. Почва под ними просела, раздался треск, но он оставался холодным и отстраненным, словно его это не касалось.

Лю Синь отлично знал местность и понимал, что даже если они упадут, то лишь в Лебединое Озеро. Однако наступила зима, ночь, и падение в воду грозило тяжелой простудой.

Человек внизу не желал помогать ему выбраться, а у Лю Сяня не было иного выхода. Как только он на секунду потерял бдительность, целый слой породы сорвался вниз.

Вокруг свистел ветер, тело теряло вес. Лю Синь изо всех сил прижал Дун Сяня к груди. Их волосы переплелись, длинные ресницы Дун Сяня дрожали над закрытыми глазами.

С закрытыми глазами Дун Сянь казался таким тихим, таким покорным — в нем не осталось того холодного высокомерия.

Глядя на него, Лю Синь вздрогнул и, сам того не заметив, разжал руки. Дун Сянь выскользнул из его объятий, словно белый лепесток, и полетел вниз. Лю Синь хотел потянуться за ним, но было поздно.

Раздался всплеск воды, а затем — ледяной холод. Лю Синь, работая ногами, вынырнул на поверхность. Он стер воду с лица, огляделся по сторонам, но Дун Сяня нигде не было.

Владение боевыми искусствами не означает умение плавать. Лю Синь был в отчаянии, он метался по воде, пытаясь разглядеть его силуэт. Если они упали вместе, а на поверхности его нет, значит, он все еще под водой. Нужно немедленно нырять.

Решившись, Лю Синь нырнул. Плавал он отлично, но ночью, полагаясь лишь на слабый свет звезд, найти кого-то в глубине было нелегко.

Лю Синь проклинал себя: Какой же он дурак! Почему он такой упрямый? Если он погибнет, зачем тогда ему было скрывать все это мастерство?

Нащупав что-то в темноте, он коснулся тонкой лозы. Лю Синь обрадовался: это точно был его хлыст.

Он ухватился за хлыст и изо всех сил потянул — на поверхность показалось обмякшее тело Дун Сяня.

На этот раз это не было игрой: после того как он вынырнул из воды, лицо Дун Сяня стало бледнее снега. Лю Синь присмотрелся и заметил, что губы того начали синеть.

Понимая, что дело плохо, Лю Синь крепко обхватил его и изо всех сил поплыл к берегу.

<http://bllate.org/book/21155/2144385>